

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ИЛЛЮЗИИ МОРАЛИ

С. Е. Руженцев

*Воронежский государственный медицинский
университет имени Н. Н. Бурденко*

Поступила в редакцию 1 марта 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с противоречивым взаимодействием между социально-политической практикой и требованиями моральных норм. Автор обосновывает преобладание утилитарного подхода в практической деятельности субъектов политики. Моральная ориентация в политической практике имеет широкую релевантность, которая определяется социальными интересами. В соответствии с господствующими интересами формируются моральные установки общества и его моральные иллюзии. Эти моральные иллюзии определяют основу и характер политических решений.

Ключевые слова: политика, мораль, политическая деятельность, субъекты, цели и средства, этика, социально-политические интересы, утилитаризм.

Abstract: the article discusses issues related to the contradictory interaction between socio-political practice and the requirements of moral norms. The author substantiates the predominance of the utilitarian approach in the practical activities of political actors. Moral orientation in political practice has a wide relevance, which is determined by social interests. In accordance with the prevailing interests, the moral attitudes of society and its moral illusions are formed. These moral illusions create the basis and character of political decisions.

Key words: politics, morality, political activity, subjects, goals and means, ethics, socio-political interests, utilitarianism.

Обращение к моральным аргументам возникает в случае необходимости обоснования политическими деятелями правомерности своих действий или возможного оправдания допущенных просчетов. Обычно считается, что политическая деятельность оценивается на макиавеллистских подходах, принципах утилитарной этики. Соответственно, дискуссия о выборе средств при реализации той или иной цели и их взаимная релевантность в увязке с моралью периодически вызывают интерес в научной среде. Современные условия и постмодернистские установки вносят свою специфику в трактовку особенностей влияния морали в политической сфере.

Целью данной статьи является анализ проявлений морали в деятельности политических субъектов. Взаимозависимость между моралью и целевыми установками проявляется амбивалентно, что позволяет оценивать действия субъектов как с позиций деонтологических требований со стороны общества, так и сугубо эгоистических установок личности. Постмодернистские взгляды на моральные требования к индивиду порождают специфическое восприятие роли морали как регулятора социального поведения. Поэтому в центре нашего рассмотрения находятся диссонансные последствия властной деятель-

ности при искажении понимания моральных норм и требований.

Данная проблема и отдельные стороны ее проявления получили некоторое отражение в ряде работ. Заметим, что в современной западной этической философии стараются избегать утилитаризма, который ранее занимал ведущие позиции. Поскольку утилитаризм диктует достаточно жесткие рамки для деятельности субъекта и его оценки, ограничивая индивидуальную свободу. Преобладает попытка предлагать решение морально-этических проблем всей властно-управленческой деятельности через идеи справедливости (Дж. Роулз), максимизации возможностей (А. Сен), теории заслуг (М. Сэндел), обращения к деонтологической позиции И. Канта. Несомненно, проявление социально-групповых и партийно-политических интересов и отношений невозможно игнорировать при анализе социальных коммуникаций. Социальная этика диктует свои правила и требования для нравственного поведения личности. Поэтому одним из вариантов подхода к политической практике стал принцип универсализации Ю. Хабермаса, базирующийся на дискурсивности морали. В отечественной философии также идет разносторонняя дискуссия, касающаяся понимания

специфики влияния морали на социально-политическую жизнь общества. Так, А. А. Гусейнов анализирует соотношение позитивных и негативных требований морали на индивида. В свою очередь, А. В. Прокофьев рассматривает проблемы, связанные с общественной моралью и справедливостью. Широко обсуждался вопрос о существовании универсальных моральных норм, формируемых свободными индивидами без навязывания им норм извне [1; 2]. Большой пласт морально-этических аспектов в политической сфере рассматривается также в работах Б. Г. Капустина, С. А. Нижникова, К. Н. Костюк, А. Т. Бикбова [3–6].

Предпринимаемые действия в политике всегда создают необходимость поиска аргументов, которые в той или иной степени облагораживали бы субъекта перед сторонниками и оппонентами социального взаимодействия. При этом рационализация доводов и объяснений направлена на то, чтобы обосновать провозглашенные цели и избранные средства их реализации, добиться содействия от сторонников, обрести психологическую уверенность предпринимаемых шагов, сформировать ощущение моральной правоты, поставив себя над ситуацией, доказав адекватность ее восприятия. Иными словами, «если деятель является действительно деятелем, если он не воспринимает себя как простое пространство противоборства различных желаний, то, сталкиваясь с многообразием противоречащих друг другу мотивов, он неизбежно принимает на себя функцию цензора» [7, с. 168].

Однако использование морали как инструмента в политической практике всегда сопровождается идеологическими установками, социальным манипулированием, апелляцией к культуре, чтобы добиться положительного восприятия отдельным индивидом и обществом неизбежности и правоты действий представителей власти. Тем самым нормы морали редуцируются до подчиненного, утилитарного характера, поскольку они становятся вспомогательным и оправдательным средством деятельности и образа политического субъекта в отношении представлений общества. По мысли Е. Вятра, это связано с тем, что «политическое руководство сосредотачивается на государственной власти как главном средстве достижения желаемых целей. Политические лидеры – те, кто, успешно или нет, пытается осознать эти цели, захватывая и осуществляя власть в государстве» [8, с. 15].

Можно предположить, что в современных условиях столкновение между традиционализмом и курсом на реформы формирует предпочтение перед умеренным утилитаризмом. Данный вид утилитаризма, по мнению А. С. Ахиезера, ориентирована на идею социального иждивенчества и уравнилельное распределение благ. Тогда как развитый утили-

таризм нацелен на личные усилия индивида для эффективного развития производства, отражая зависимость получения благ от личных усилий [9, с. 521–522]. Соответствующая установка поведенческой модальности формирует разнообразные моральные ориентации и заблуждения, определяя характер социально-политических отношений и отношение общества к власти.

Очевидно, что политическое лидерство всегда предполагает выдвижение и обоснование политических целей [10, с. 9]. Но любые цели должны соотноситься с моральными установками большинства общества, поскольку предполагаемые действия отражаются на социальных отношениях, затрагивают позиции и взгляды каждого индивида в отношении их будущего, согласно господствующим взглядам на добро и зло, совесть и честь, долг и справедливость. И вот тут мы обнаруживаем интересную закономерность. Ее отметил Э. Хоффер: «...практическое предприятие не может существовать, если оно не дает удовлетворения личному интересу, а силы и рост массового движения во время подъема прямо зависят от способности движения вызывать и удовлетворять страсть к самоотверженности. Как только массовое движение начинает привлекать к себе людей, за заинтересованных в своей личной карьере, – значит, оно прошло фазу своего подъема и уже занято не созданием нового мира, а старается сохранить и удержать существующее. Это значит, что движение перестало быть движением, а стало предприятием» [11, с. 31]. Ведь в условиях постоянных и различных социальных и политических коллизий властные структуры воспринимают окружающий мир в качестве источника ресурсов своей деятельности, который служат объектом инструментально-го воздействия и источником получения благ.

Логика апеллирования к моральным аргументам скрывает склонность субъекта к обретению выгод для своих позиций. А для подкрепления обратной связи между политическим актором и социальной группой совершенно не обязательно принимать на себя какие-либо моральные обязательства. В этих обстоятельствах интересы политического деятеля становятся доминирующими во взаимодействии со своим окружением, приобретая рутинный и прагматический характер. А утилитарное реагирование на текущие вызовы социальной жизни формирует уверенность субъекта в своем доминировании над окружением, успешность политических технологий манипулирования сознанием общества. Как отмечает Т. А. Орлова, «утилитаризм встречает возражение следующего характера: индивидуальные предпочтения в данном подходе нивелируются, а индивиду предписывается необходимость принятия некой intersubъективной

позиции. Однако это возражение имело бы место, если бы утилитаризм трактовался как процедура принятия решений. Это не так, поскольку утилитаризм утверждает стандарт или критерий правильности» [12, с. 134–135]. По этой причине моральный инструментарий превращается в известный способ влияния субъекта власти на своих адептов и электорат. Но моральные принципы и ориентиры не выходят за рамки вспомогательного элемента политической деятельности, определения идеологического выбора, не гарантируя избегания нравственной беспринципности действий субъектов. Моральный фактор проявляет свою значимость при согласовании индивидом частного интереса, своей идентичности с существующими моральными ценностями [7, с. 16].

Политическая практика показывает, что попытка использовать социальные противоречия, поддерживая или усиливая их, обостряет моральный дисбаланс между участниками процесса взаимодействия. То есть возникший политический конфликт отягощается моральными разногласиями. Противоборство становится внешним фактором для возможного нарушения политическим субъектом любых соглашений и принятых обязательств, а также для изображения другой стороны в качестве зла. В результате становится невозможным соблюдение ранее существовавших морально-нравственных правил и норм. Выход из сложившейся ситуации противоборства, по мнению А. В. Прокофьева, может быть через стремление к достижению нейтральности позиций сторон и ориентацию их на рациональный «политический перфекционизм» [13].

Как представляется, деонтологические предписания в политике имеют две особенности. Во-первых, моральные установки несут ограниченное влияние на индивида, обуславливая волевые устремления, верность собственным моральным убеждениям и сам характер поступков. Тем не менее субъект власти неизбежно обращается к моральным принципам для оправдания целесообразности действий, свою зависимость от сложившихся обстоятельств. По мнению В. В. Бабошина, «ценностно-рациональное действие не опирается на просчет последствий, а представляет собой определение цели на основе системы ценностей и мировоззрения. Ценностно-рациональные действия приводят к различным результатам, но их проведение в жизнь всегда основано на определенных убеждениях, на чувстве долга, вере, следовании собственным представлениям о добре, красоте, истине» [14, с. 173]. Такое прагматичное сочетание создает уверенность в том, что предпринимаемые шаги являются адекватными и истинными. Во-вторых, в политике моральные принципы во многом

есть отражение идеологических установок, которые определяют сущность и обиходу ценностных предпочтений правящей социальной группы. Этот аспект через нормативный и деятельностный аспекты затрагивается в монографии «Моральные фреймы политических идеологий», отражая вспомогательную роль моральных установок [15, с. 29–56]. Конечно, и группа, и индивид могут иметь иллюзорные представления о целях, следовать моральным ориентирам, которые навязываются сторонникам данной политической линии. Но именно эфемерность установок идеологии и будет определять жесткость моральных аргументов, оценки и характер отношений с идейными оппонентами.

В этом подходе скрывается опасность того, что принятые моральные обязательства не только в отношении другой стороны, но и своих собственных сторонников, становятся размытыми. Это связано с тем, что субъекты власти и политики нацелены на достижение конкретного результата, что несет в себе скрытую асимметрию в их деятельности – расхождение между задачами достижения необходимых целей и скрытых возможностей, с одной стороны, и выполнения своих обязательств в качестве ответственного субъекта – с другой. Как считает Н. Г. Доронина, «с моральной точки зрения главным качеством, определяющим “профпригодность” политика, является сознание полной социальной ответственности за свои слова и поступки. Всё остальное является производным» [16, с. 43]. При этом большинство общества ждет реализованной цели, снисходительно воспринимая действия власти, поверхностно их анализируя на соответствие моральным нормам. Поэтому можно говорить о существовании моральных иллюзий у существенной части общества, склонной к оправданию релятивизма моральных норм в политике и неизбежности проявления парадокса «грязных рук».

Как известно, субъекты власти и политики выражают организованные социально-политические интересы, прибегая к опоре на активную и пассивную моральную позицию членов общества. Моральные основания используются ими исключительно инструментально, что исключает рефлекссию в отношении морально-нравственного дискурса, так как практические шаги зависят от складывающейся ситуации. Моральная сторона оказывается в слабой увязке с поступком. Особенно в условиях господства постмодернизма, когда для обеспечения поддержки общества в отношении властных структур проявляется линия действий со стороны групп давления по обеспечению морального конформизма, сопровождающаяся вторжением частных интересов в сферу общественного. Такое вмешательство оказывается результативным при наличии слабого

гражданского общества и его институтов, которые оказываются легко подвержены иллюзорному представлению об автономности индивида. Кроме того, стремление субъектов и институтов власти дистанцироваться от моральных ограничений неизбежно сужает моральный выбор для отдельного индивида [17, р. 45, 244].

Данное проявление связано с тем, что группы интересов, которые всегда выступают в качестве организованной силы, стремятся объединить своих сторонников, других граждан вокруг заданных целей и определенных ценностей, что во многом порождает отчуждение нравственных взглядов индивида от моральных установок, заданных внешними правилами и узкогрупповыми интересами. В этом есть опасность того, что индивид станет воспринимать окружающих с точки зрения своих негативных стереотипов. В результате мораль искажается под воздействием политической целесообразности. Например, власть и ее представители могут прибегать к императивным установкам, обращаясь к идеям долга, общественного служения, социального единства и пр., что позволяет обнаружить наличие большого массива стереотипов между политикой и моралью [18, р. 57, 91]. В таком случае может быть не только навязана искаженная картина окружающего мира, но и осуществлена подмена провозглашенных целей и избранных средств. Всё это явно позволяет субъектам политики успешнее манипулировать массовым сознанием общества. Хотя мы можем и не обнаружить непосредственной связи между моральными иллюзиями индивида, размытием ответственности субъекта, ростом его эгоистических интересов.

Субъекты политики всегда обращаются к морально-этической терминологии для продвижения и обоснования тех позиций, которые обеспечивают доминирующую безусловность в обществе их текущей позиции по сравнению с оппонентами. Но моральные и идеологические рамки под воздействием социальных интересов общества и узкогрупповых корпоративных установок ограничивают выбор деяний политическим субъектом. Он вынужден согласовывать свои нравственные границы и принципы в соответствии с заданными политическими целями и внешними обстоятельствами. Тем не менее согласимся, что «этика дискурса не снабжает людей определенными содержательными представлениями, но дает им опирающуюся на некие предпосылки процедуру, обеспечивающую непредвзятость при выдвижении суждений. Играя роль особой процедуры, практический дискурс служит для проверки действительности предложенных норм, а не для генерации готовых норм» [19, с. 12].

Следует отметить, что в политической деятельности отсутствует набор норм, выполняющих деонтологическую роль для выработки модели поведения субъекта. Этим определяется своеобразная антиномичность проявления морали в политике, связанная с тем, что морально-этические нормы воспринимаются как незаметные и служебные. Но пренебрежение ими обходится дорого, если есть стремление у субъекта добиться положительного результата предпринимаемых им шагов. Вот почему происходит его обращение к моральным посылам, чтобы подкрепить свои позиции посредством дополнительных суждений и умозаключений. Иначе говоря, в нашем случае моральная императивность обладает феноменологическим оттенком и существенной долей субъективности окружающего социума, которые определяют целеполагание доминирующих интересов. Всё это неизбежно задает для субъекта искаженную картину восприятия, так как морально-нравственная деформация вызывает эгоизм, тяготение к подавлению Другого, этическое мифотворчество как инструмент обоснования правомерности деяний.

Подводя итог, можно сказать, что моральные нормы и требования должны являться средством для смыслового ориентирования и оценки политических шагов субъектов и институтов. При этом интерес субъективной сущности проявления морали задает нравственные искания человека. Однако внешнее воздействие через различные ограничения размывает ценностное сопоставление индивидом себя с другими людьми. Принудительные моральные нормы и стандарты приглушают персоналистскую мораль. Следствием этого становится то, что и морально-нравственные установки, и социальные идеалы устремлены к искаженной реальности. Это выступает одновременно как причиной, так и следствием формирования искаженных, иллюзорных и мифологичных моральных оценок и ориентиров, которые дезориентируют и обесценивают последующие политические действия.

Моральная аргументация в политической практике служит для субъективного оправдания занятой позиции и предпринятых действий. Это определяется рядом обстоятельств. Во-первых, сама политическая целесообразность задает пределы и характер моральных максим и обоснований. Как считает А. А. Денисов, «принцип полезности призван стать тем механизмом, с помощью которого становилась бы возможной гармонизация частных интересов и обеспечение общего блага. Реализация этого принципа должна приводить к взаимовыгодному использованию людьми друг друга» [20, с. 36]. Во-вторых, в политической сфере сам моральный дискурс обладает внутренней двойствен-

ностью и очень слабо соотносится с любым иным характером деятельности индивида. Так, А. В. Прокофьев отмечает, что «добродетель ответственности – это всего лишь эмоционально-волевая составляющая нравственного сознания конвенционалистского образца, обеспечивающая его устойчивость и препятствующая превращению морального мышления в механическую “моральную калькуляцию”» [21, с. 11]. В-третьих, применяемое для оценок любое моральное утверждение не предполагает каких-либо явных безоговорочных обязательств индивида по отношению к иным взаимодействующим сторонам политического процесса, поскольку те ориентируются на обладание властью и личный интерес [22, р. 182].

Можно сказать, что моральное обоснование в политике определяется особым прикладным характером. Оно не является результатом морально-нравственной рефлексии и исканий субъекта, поскольку задается жесткими потребностями согласования идеологических, моральных и иных взглядов на основе определенных социальных интересов. В данных обстоятельствах мораль используется для сокрытия истинных намерений адептов конкретной линии политики. То есть мораль утилитарно содействует сохранению должного имиджа субъекта власти или политики, стремящегося к манипулированию другими людьми и проведению в жизнь своих целей.

Поэтому в морально-политической системе взаимодействия можно выделить ряд особенностей.

Во-первых, мы видим определяющее воздействие социальных факторов и обстоятельств на задачи политики, целеполагание структур власти, моральные критерии и ориентиры.

Во-вторых, неизбежная субъективность в восприятии обществом политических действий дополняется игнорированием представителей системы управления интересов большинства.

В-третьих, постмодернистские трактовки современной эпохи закрепляют размытость моральных критериев, что усиливает степень автономности субъектов власти.

Очевидно, что мораль должна предлагать индивиду предпочтительный идеал конкретного поступка. Однако сочетание функций политики, решающей конкретные задачи, и интересов морали, основанные на абстрактных нормативных требованиях к индивиду, несут в себе противоречие. Оно и вызывает проявление неоднозначности трактовки моральных норм, обусловленной сложностью соотнесения общественных и личных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мораль и универсальность. М. : Гуманитарий, 2018. Вып. 1. 216 с.
2. Универсальность в морали : монография. М. : Садов, 2021. 480 с.
3. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М. : КДУ : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. 496 с.
4. Ниженников С. А. Мораль и политика в контексте духовных и интеллектуальных традиций : монография. М. : ИНФРА-М, 2011. 333 с.
5. Костюк К. Н. Политическая мораль и политическая этика в России // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 32–42.
6. Бикбов А. Т. Мораль в политике : насилие над господствующими // Полис : полит. исследования. 2002. № 4. – С. 112 – 120.
7. Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Прокофьев А. В. Феномен моральной императивности : критические очерки. М. : ИФ РАН, 2018. 196 с.
8. Wiatr J. J. Political Leadership Between Democracy and Authoritarianism. Comparative and Historical Perspectives. Berlin ; Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022. 203 p.
9. Ахуезер А. С. Россия : критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск : Сиб. хронограф, 1998. Т. 2: Теория и методология. Словарь. 593 с.
10. Гусейнов А. А. Цели и ценности : как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 3–37.
11. Хоффер Э. Человек убежденный : Личность, власть и массовые движения : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017. 200 с.
12. Орлова Т. А. Истина и справедливость : обоснование утилитаризма в теории морального реализма // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. 2014. Сер. 6. № 2. С. 128–137.
13. Прокофьев А. В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и ее альтернативы) // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 140–162.
14. Бабошин В. В. Ценности и их отрицание в этике дискурса модерна // Вестник Ставропол. гос. ун-та. 2011. № 73. С. 173–178.
15. Макаренко В. П., Беспалова Т. В., Поцелуев С. П., Хёсле В. Моральные фреймы политических идеологий. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2017. 320 с.
16. Доронина Н. Г. Мораль и политика в управлении государством // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1. С. 39–43.
17. Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford, UK ; Cambridge : Blackwell, 1993. 255 p.
18. Ellul J. The Political Illusion. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1967. 258 p.

19. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Волков А. Э. Перспективы этического когнитивизма // Гуманитарный вестник. 2021. Вып. 6. С. 1–14.

20. Денисов А. А. Принципы моральной регуляции общества в либеральной и традиционной этике // Омский научный вестник. 2006. № 2. С. 35–41.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Руженцев С. Е., доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин

E-mail: rsevrn@gmail.com

21. Прокофьев А. В. Мораль, вероятность и риск // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 2. С. 5–19.

22. Moral Leadership : the Theory and Practice of Power, Judgment and Policy / ed. Deborah L. Rhode. Wiley, 2015. 400 p.

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

Ruzhentsev S. E., Dr. Habil. in Philosophical Sciences, Professor of the Pedagogy and Humanity Scientists Department

E-mail: rsevrn@gmail.com